

исследований проводящихся в аспекте разных лингвистических парадигм. Тем не менее, еще многие вопросы лингвистики детектива остаются неосвещенными, спорными. Мало внимания уделено прагматике детективных произведений, хотя читательский интерес к ним постоянно растет. Практически неизученным остается современный русский и украинский детективы, при этом количество авторов, работающих в этом жанре, становится все больше. Перспективными, как нам кажется, могут быть исследования форм и стилей повествования, экспрессивность и метафоричность языка детектива, изучение языковой личности авторов, гендерные аспекты детективных текстов.

Источники и литература:

1. Банникова И. А. Парадокс в стилистическом контексте детектива / И. А. Банникова // Вопросы романо-германского языкознания. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1995. – Вып. 11. – С. 17-23.
2. Barzun J. Detective Fiction / J. Barzun // A Collection of Critical Essays / Ed. R. I. Winks. – New Jersey : Prentice-Hall Englewood Cliffs, 1980. – P. 144-153.

Джигалюк Н.Ю.

УДК 811.161.1'33:395.6

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМУЛ ПРИВЕТСТВИЙ В СИТУАЦИЯХ ВЕРБАЛЬНОГО ЭТИКЕТА

Речевой этикет, имплицатурами которого являются категории лингвистической вежливости, благопожелания, церемониал и т.д., является отражением культурных парадигм, сложившихся в социальной памяти общества. *Актуальность* исследования данного феномена опосредована когнитивно-лингвальной спецификой функционирования формул вербального этикета в полилоге культур на территории Крыма.

Целью исследования является выявление особенностей употребления единиц вербального церемониала (приветствий) в ситуациях речевого этикета, а также сопоставление данного с категорией лингвистической вежливостью.

Анкетные данные, представленные в статье, получены путем проведения опроса, в котором приняли участие жители Крымского полуострова. Социальная стратификация представлена следующим образом: возраст – 24 – 80 лет; гендер – феминные информанты; специальность не была указана (49%), *среднее специальное* – 35%, *высшее образование* – 11%, прочее – 5%; национальность – русские (53%), украинские (37%), крымскотатарские (5%) представители этнических групп (уход от ответа – 5%), считающие родным русский язык – 73%, украинский – 17%, русский и украинский – 4%, крымскотатарский – 4%, не указавших лингвоидентификацию – 2%.

Вопросы, заданные респондентам сформулированы по ситуативно-каллитативному принципу: *Какие формы приветствия Вы используете?, Какие формы приветствия Вы используете чаще всего?, Какие формы приветствия вы бы хотели слышать в свой адрес? Какие формы приветствия Вы слышите в свой адрес?, Какие формы приветствия Вы слышите в свой адрес чаще всего?, Какие формы приветствия Вы слышите в свой адрес от друзей?, Какие национально-специфичные приветствия Вы знаете на других языках (украинском, крымскотатарском и др.)?* Количество проанализированных формул приветствий и их субститутов, неспециализированных средств – 549 единиц. Под термином приветствие, в рамках данного исследования, понимается национально-специфическая формула речевого этикета, реализующаяся имплицитным благопожеланием, в ситуациях установления коммуникативных контактов между адресантом и адресатом, в независимости от степени.

«Не вызывает сомнений, что изучение лингвистической вежливости (что справедливо и для речевого этикета) должно быть сфокусировано на общественном поведении, соотносимым с речью как душой социальной коммуникации, воспроизводящей соответствующую структуру» [7]. Речевой этикет, в данном случае, является наиболее верифицировано значимой парадигмой, согласно концепции Н.И. Формановской и А.Г. Балакай – это «социально заданные и национально обусловленные регулирующие правила речевого поведения, выраженные системой специфических языковых знаков, (слов, устойчивых словесных формул) в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их социальным положением, ролевыми и личными отношениями, актуальными в рамках определенной речевой ситуации» [4, с. 177], [1, с. 3].

Формулы приветствий в значительной мере отражают специфику использования постулатов вежливости в коммуникативной среде в силу своей интенциональной эксплицитности (приветствия-пожелания *Добрый день (утро, вечер), Здравствуйте (Здравствуй), Будь здоров* и прочие) и типизированной структуры нивелирования экспрессивности.

В целом для информантов было характерно указание на репрезентативную группу общеупотребительных приветствий (используется стилистическая градация распределения на официальные, торжественные, общеупотребительные и девиантные (нелитературные): *Здравствуйте, Здравствуй, Добрый день (утро, вечер)*, за исключением стилистически коннотированных как нелитературные: *Привет, Здрасьте* – девиантный вариант.

Тематические группы, связанные с социальными ролями и родом деятельности (А.Г. Балакай, В.Е. Гольдин, Ф. Рэш), не нашли свое отображение в коммуникативных стратегиях интервьюируемых, что может свидетельствовать о недостаточной открытости эксперименту или об отказе от использования более

экспрессивных, дистантно близких и этнопрезентативных единиц. В условиях мультилингвальной среды негативные тенденции подобного рода обедняют этикетно-коммуникативную культуру говорящих и могут быть отнесены к проблемам экологии языка.

Отсутствие приветствий непосредственно соотносящихся с профессиональной спецификой, темпоральной характеристикой (*Добрый день (утро, вечер)* – нечастотностны), относящихся к общему роду деятельности (например, спортивные приветствия, субгрупповые), нечеткая выраженность демаркации субординативных связей может быть также связана с отсутствием актуализации использования информантами приветствий определенных тематических групп (наиболее это справедливо для профессионализмов и сакрализованных единиц, особенно из-за принадлежности большинства из них к пласту архаической лексики) как коммуникативно-престижных и имиджево значимых. Например, нивелирование класса приветствий при совместном приеме пищи (*Приятного аппетита*), на наш взгляд, говорит о том, что анкетизируемые они не были осмыслены как часть парадигмы вербального этикета, а отнесены к периферийным речевым клише.

Неотъемлемым атрибутом использования формул речевого поведения также становится адресация социальных «поглаживаний». Реализуется данная особенность при помощи соблюдения определенных максим и постулатов. Вежливость как «главный способ применения этикетных знаков» [3, с. 39] обладает градационной и стилистической природой; изучением данного феномена занимались П. Грайс, Дж. Лич и их последователи.

Дж. Лич выделил следующие постулаты детерминантных характеристик максим вежливости: тактичность, великодушие, одобрение, скромность, согласие и симпатия. Следует отметить, что вышеперечисленные этические модусы репрезентации в первую очередь сопоставимы с пониманием речевого этикета в широком смысле.

Одним из случаев недостаточной выраженности подобного рода категорий, присутствуют в ответах на вопрос *Какие формы приветствия Вы слышите в свой адрес от друзей?* Анкетизируемыми были упомянуты формы обращений разговорного характера (*Привет!*, *Здравствуй!*, *Здрасьте!*, с единичным упоминанием сопутствующих обращений по имени), что возможно рассматривать, с одной стороны как нивелирование коммуникативной значимости такого рода приветствий или не соотнесение собственно специфики адресации с данной парадигмой, а с другой – отношение к участию в эксперименте.

«В наибольшей степени эксплицируют эмоционально-оценочную зону «поглаживаний» ситуации и КСГ (коммуникативно-семантические группы): одобрение, похвала, комплимент» [4, с. 178].

На вербальном уровне отсутствие одобрения, по-мнению Н.И. Формановской, типизировано презентуется употреблением сниженной лексики. Слово-стимул, грамматическая конструкция-стимул, несет в себе конфликтную направленность и зачастую коммуникативный провал [5, с. 14].

Одобрение одна из ведущих интенций приветствия и экспектаций адресанта. Формулы речевого этикета *Здравствуйте!*, *Добрый день (утро, вечер)!*, наиболее квантитативно детерминированы по данным анкетирования, связаны с благопожеланиями витальных ценностей. *Какие формы приветствия вы бы хотели слышать в свой адрес?* – это графа, отражающая экспектации (когнитивные ожидания) информантов. В ней были высказаны пожелания, чтобы их приветствовали в дистантно близком стиле – *Здравсьте!*, *Привет!* (единицы разговорного характера) или нейтрально коннотированными формулами: *Здравствуйте!*, *Добрый день!*, коррелятивно соотносилась с ответами пункта *Какие формы приветствия Вы слышите в свой адрес?* и *Какие формы приветствия Вы слышите в свой адрес чаще всего?*, что указывает на отсутствие когнитивного диссонанса и эмоционально положительную тональность фрейм-конструктов начала диалога, как правило, продолжение общения происходит в подобной коммуникативной манере.

Выбор приветствия национально специфичен, в нем отображается картина мира этноса, его культура и история. В графе анкеты, адресованной к информантам с вопросом: *Какие национально-специфичные приветствия Вы знаете на других языках (украинском, крымскотатарском и др.)?* были представлены ответы, свидетельствующие о знании соответствующих формул на украинском, крымскотатарском, английском, немецком и русском языках или непосредственно сами заимствования. Ответ не был получен в 17%.

Репрезентативным являлся ответ-стимул об осведомленности относительно иноязычных приветствий, без указания формул (например, с украинскими единицами речевого этикета знакомы – 23%). К наиболее актуальными были отнесены украинские приветствия: *пан, пані, здоровеньки були, добрий день (ранок, вечір)* и диалектно-архаическое – *слава Ісусу Христу*, выступающее как маркер социальной памяти, реминисценции сакральной доминанты; крымскотатарские – *саям алейкум* (видоизменения, реализовавшиеся в виде написаний-граффонов, возможно рассматривать с одной стороны как влияние явлений языковой интерференции, а с другой – это признак недостаточного освоения и осведомленности о данном благопожелании). Указанные примеры соотносимы с внутренней локальной интеркорреляцией этнических групп, они демонстрируют коммуникативные стратегии неконфликтного, толерантного, позитивно вежливого взаимодействия.

К внешней корреляции относятся заимствования из английского, немецкого и французского языков. Подобного рода актуализация связана с коммуникативным опытом, полученным в ходе изучения иностранных языков, а также открытости к восприятию традиций западноевропейского речевого этикета и культурных ценностей в целом.

К немотивированным заимствованиям были отнесены *господин и госпожа*, что может указывать на отнесение архаизмов к чуждой коммуникативной культуре.

Специфика использования маскулизованных и феминных типизированных фреймов-приветствий проявилась на уровне спорадического функционирования единиц с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ик-* или эмоциональной оценкой-экспрессивом: *Приветик!*, прочие особенности не были выделены, что позволяет судить о нейтрализации гендерного стиля коммуникативного поведения.

Выводы. Вариабельность приветствий как формул русского речевого этикета была актуализирована недостаточно, информантами восприняты как коммуникативно-значимые и успешные тематические группы общеупотребительных конструкторов начала диалога (*Здравствуйте, Здравьете, Добрый день (утро, вечер)!, Привет!* и т.д.). Тем не менее, экспликация позитивной лингвистической вежливости выявлена в полной мере, о чем также свидетельствует тенденция к неконфликтному, толерантному общению в полилоге посредством использования этноспецифических форм благопожеланий.

Источники и литература:

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – М. : АСТ-Пресс, 2001. – 670 с.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Доля, 2002. – 392 с.
3. Гольдин В. Е. Речь и этикет / В. Е. Гольдин. – М. : Просвещение, 1983. – 109 с.
4. Формановская Н. И. Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М., 2002. – 216 с.
5. Формановская Н. И. Русский речевой этикет : нормативный социокультурный контекст / Н. И. Формановская. – М., 2002. – 160 с.
6. Macek J. F. Aspects of linguistics politeness in Sheng : [Электронный ресурс] / J. F. Macek. – Режим доступа : <http://www.fflch.usp.br/dl/wocal6special/downloads/Macek.pdf>
7. Watts J. R. Politeness : [Электронный ресурс] / R. J. Watts. – Режим доступа : <http://www.cjsonline.ca/pdf/politeness.pdf>

Донец П.Н.

УДК 82-311.9:165.742 "713"

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Не секрет, что во все времена одним из мощнейших рычагов преобразования действительности являлось искусство. Едва ли найдётся более эффективный инструмент воздействия на индивидуальное и массовое мировосприятие, способный формировать, подчас безотчётно, саму систему человеческих отношений и важнейших жизненных принципов, принимать участие в созидании и закалке характеров, утончении всех мыслимых чувств, становлении выдающихся умов. Было бы крайне нелегко отыскать сравнимый с искусством по силе воздействия катализатор интеллектуальных, эмоциональных и духовных процессов отдельно взятого индивида. Как в этом случае не согласиться с гениальными словами Еврипида: «Нет, не покину, Музы, алтарь ваш... Истинной жизни нет без искусства!» [2, с. 432]

Вероятно, именно в этой связи попытки теоретического осмысления места и функции искусства в нашей жизни насчитывают столь же древнюю историю, как и сама человеческая цивилизация. Впрочем, как справедливо отмечает выдающийся русский философ Л. Столович: «Практическая действенность искусства редко подвергалась сомнению, а на заре становления мировой эстетической мысли, получавшей зачастую мифологическую форму, его уникальная роль воспринималась и вовсе как аксиома» [5, с. 3]. Будучи органически вплетённым в повседневный быт наших древних предков, искусство перекинуло нерушимый мост между создаваемыми воображением творца иллюзорными мирами и объективной реальностью. Изначально призванный лишь подражать жизненной действительности, мир художественных образов сам неотвратимо становился её частью, незаметно разрушая тонкую грань между внутренними вселенными художника и реципиента посредством морально-эстетического воздействия на последнего. Это удивительное свойство искусства одним из первых определил ещё Аристотель, заметив: «Привычка же испытывать огорчение или радость при восприятии того, что подражает действительности, ведет к тому, что мы начинаем испытывать те же чувства и при столкновении с действительностью» [1, с. 637].

К началу третьего тысячелетия нашей эры социальный ландшафт человеческой жизни был до неузнаваемости преобразован научно-технической революцией с информационными технологиями во главе. Нынешнему поколению доводится переживать уникальный исторический момент, характеризующийся глобальной трансформацией нашей материальной культуры путём имплементации и функционирования в ней абсолютно новой жизненной парадигмы, построенной вокруг информационных технологий, преобразовательный потенциал которых представляется воистину огромным. Упор на инновационные IT-разработки, персонализированные портативные устройства и модернизацию их интерактивности, нарастающая информатизация общества, внезапный массовый бум социальных сетей, неустанный поиск свежих научных идей – всё это незаметно подталкивает нас к переосмыслению своего места и роли в современном мире, заставляя пребывать в тревожном поиске новых жизненных смыслов и духовности. И это лишь начало – уже сегодня не остаётся никаких сомнений, что именно XXI столетие будет отмечено расцветом генетической революции. Впервые в истории человеку доведётся приоткрыть вуаль тайны мироздания, научившись производить определённые манипуляции с живой материей,